

Михалёв

*Саня Кичигин и Витя Михалёв на занятиях по альпинизму
Зима 1965-1966 годов. Ленгоры*

8 января 1947 г. - 10 июня 1969 г.

Заметки 1969 года и предисловие 2013 года

ПРЕДИСЛОВИЕ 2013 года¹

Я никогда не забывал, что одним из первых моих порывов после трагической и нелепой смерти Вити Михалёва было желание написать детальные и подробные воспоминания о нём. Мне хотелось, чтобы повседневные подробности его жизни стали известны его родителям – Нине Васильевне и Константину Васильевичу. Желание это не было реализовано и пополнило груз моих неисполненных обязательств, который тяготит меня до сих пор.

Недавно, роюсь в своих архивах, я ещё раз взял в руки заветный ежедневник фирмы «Судоимпорт», который мне подарил папа, и в котором я начал делать записи про Витю. Решил, что пора преодолеть естественную неудовлетворённость этим недопёком и привести записи в вид, доступный другим читателям. Тем более, что их можно проиллюстрировать фотографиями тех лет.

Воспоминания охватывают период с сентября 1965 года по апрель 1966 года, когда мы были студентами первого курса. Они разбиты на коротенькие главки. Написаны в июле-августе 1969 года во время моего первого полевого сезона в Забайкалье. Я намеренно ничего не менял и не редактировал в них, желая сохранить в том же виде, что они имели много лет назад.

Знаю, что этим я не покрою своего долга, но хоть что-то будет сделано и сохранено.

Витя Михалёв родился 8 января 1947 года в Симферополе. Его мама, Нина Васильевна, позже мне призналась, что на самом деле он родился 31 декабря 1946 года, но, чтобы дать ему ещё один год после школы до призыва в армию, родителям удалось записать в документы более позднюю дату. Константин Васильевич и Нина Васильевна познакомились на войне. Произошло это уже в её конце в Польше. После окончания войны и демобилизации Константин Васильевич попал в Симферополь (сам он родом из Удмуртии и оттуда призывался на военную службу), а тётя Нина (так она просила меня называть её всегда), став его женой, покинула родительский дом в Ленинградской области (посёлок Шугозеро Тихвинского района). Витя был единственным ребёнком в семье. Его отец, дядя Костя, служил в областном Управлении КГБ по Крымской области в офицерском звании, а тётя Нина была на руководящей работе в спортивном обществе «Динамо», которое объединяло также сотрудников органов госбезопасности. Жили они по адресу Троллейбусная улица дом 11, кв. 26, на втором этаже пятиэтажного панельного дома.

Витя был очень способным, талантливым учеником в школе. Отлично плавал, много путешествовал по Крыму, играл на гитаре, пел тихим приятным голосом. Школу окончил с золотой медалью. Никаких вредных привычек не имел. Практически никогда, в отличие от меня, не ругался. Был стеснительным,

¹ Очень ценные исправления и дополнения сделал Саня Кичигин в своём письме от 17 апреля 2013 г.

даже застенчивым, но, если он раскочегаривался, то становился озорным и бесшабашным.

Со школьных времён его тянуло к морю. Этим, наверное, и объясняется его выбор специализации на кафедре – морская и береговая геоморфология.

Абсолютно точно то, что я знал Витю достаточно поверхностно и уверен, что его товарищи по общежитию, в первую очередь Саня Кичигин и Толя Трушин, знали его гораздо глубже и лучше. Лучше меня его также знал Владик Фроль – тоже обитатель общежития, крымчанин и специалист по морской геоморфологии. Возможно, что они также что-нибудь смогут вспомнить и написать про Витю.

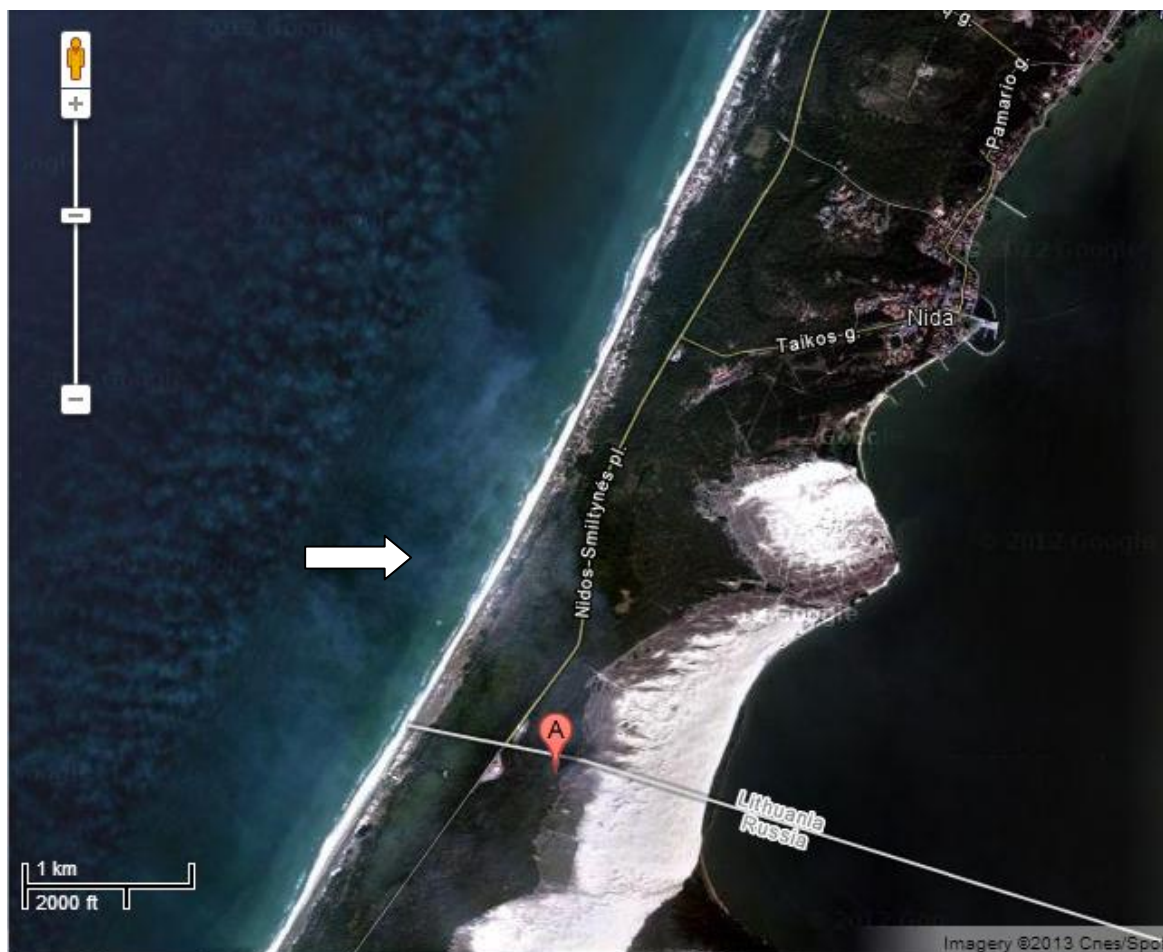
Один из эпизодов нашей студенческой жизни на 2-ом курсе немного сблизил нас с Витей. Я имею в виду случай с нападением на нас медведицы 30 января 1967 года, когда при возвращении в лагерь после маршрута на нас выскочила из берлоги медведица, с начала долго трепавшая Витю, а затем уделавшая внимание и мне. Это произошло во время 2-ой зимней студенческой экспедиции на Нургуш (Южный Урал).

3 февраля 1967 г., 13 часов. Хребет Нургуш. Слева направо: Костя Кивва (4 курс), Володя Волков (1 курс), Миша Левинтов (2 курс), Саша Беляев, Рома Кальбергенов (оба – первокурсники)

Витя погиб утром 10 июня 1969 года в первый же день его преддипломной практики. Случилось это на Куршской косе в районе Нерюнга-Нида. Задачей полевого маршрута, выполнявшегося на плоскодонной лодке типа «Казанка», было измерение высот гребневых частей подводных валов в прибрежной мористой зоне косы. Те, кто в лодке, должны были находить гребни таких валов (по зонам забурунивания) и измерять лотом глубину до гребня и в понижениях между валами. С берега делались инструментальные засечки точек наблюдений.

В один из моментов лодка стала бортом к волне, её захлестнуло, и она перевернулась. В воде оказалось трое человек, двое из них – Витя Михалёв и аспирант Вильнюсского госуниверситета Римантас Калинаускас – решили добираться до берега вплавь. Третий – их руководитель Юрий (Юрис) Ангелеевич Павлидис – решил искать спасения, держась за днище перевернутой лодки. Витя и Римантас утонули, Павлидис спасся. Трагическому исходу способствовала очень низкая температура воды в Балтийском море (всего 8 градусов), волновой накат и тяжёлая одежда на пловцах (день был ветреный).

Примерное место гибели (обозначено стрелкой) Вити Михалёва и Римантаса Калинаускаса

Мы с Саней Кичигиным в это время были у него в деревне Заборье Тарногского района Вологодской области. Вернулись в Москву ранним утром 11 июня и сразу были ошеломлены этим трагическим известием. Первым естественным порывом было поехать на кафедру и узнать подробности и предложить помощь. На кафедре нам сказали, что принято решение послать делегацию представителей кафедры на похороны. Её возглавил Геннадий Александрович Сафьянов, хорошо знавший Витю по его морским делам, а мы с Владимиром Фролем выразили готовность принять участие.

Прилетели в Вильнюс рано утром 12-ого июня. Там уже была мама Вити, дядя Костя был плох и остался в Симферополе. В тот же день состоялось прощание с погибшими и похороны Римантаса на Центральном кладбище Вильнюса. 13 июня мы вместе с гробом через Киев самолётом прилетели в Симферополь. Гроб был оцинкован и его невозможно было внести в пятиэтажку на второй этаж. Пришлось вызывать подъемник и заносить его через балконную дверь. 15 июня состоялись похороны Вити на тогда ещё новом кладбище на окраине Симферополя, в конце улицы Куйбышева. Сейчас это кладбище называется Абдал-1. Для памяти пишу, что могила Вити расположена на участке 7 или на одном из соседних. Надгробный памятник выполнен из серого гранодиорита в форме фрагмента абразионного клифа с углублением у основания в виде волноприбойной ниши.

Мы, товарищи Вити по группе, старались поддерживать его родителей. В начале я ездил к ним по 2-3 раза в год, потом – раз в год. Последний раз был там в 1993 году. Дядя Костя умер в начале 1980-ых годов, тётя Нина – в начале 2000-ых. Последние годы мы с ней изредка переписывались, созванивались. Чувство моей вины перед ними до сих пор не рассеялось...

После окончания Университета у Михалёвых некоторое время жила Нина Сальникова, которую распределили в местный институт минерального сырья. После окончания аспирантуры там стала жить семья Кичигиных-Яновских. Саня тоже работал некоторое время в этом же институте. Позже Люда с Сашей переехали в Вологду, где Саня получил 3-комнатную квартиру. После смерти тёти Нины квартиру унаследовала одноклассница Вити Тамара, которая последние годы жизни ухаживала за ней. Саша и Люда с 1975 по 1989 годы каждый год навещали Михалёвых. Мы с Саней были на похоронах дяди Кости. О смерти тёти Нины я узнал задним числом от Сани: меня не было в Москве.

* *
*

До сих пор Витя Михалёв – часть моей памяти. Его неожиданная смерть была и остаётся для меня одним из самых сильных потрясений. Она заставила серьёзней относиться к жизни, к окружающим. Помещённые ниже записки – это первая реакция на испытанное потрясение. Жаль, что у меня тогда иссяк порох, чему способствовали и начавшиеся в августе многодневки, и сокращение светового дня, когда можно было писать по вечерам.

Нечего оправдываться. Поэтому приглашаю тех, кому это интересно, прочесть то небольшое, что удалось записать тогда, в июле-августе 1969 г.

Незаметный человек

Всегда, когда попадаешь в неизвестную компанию, то люди запоминаются не все сразу, а как-то по очереди. Одни – благодаря своим внешним свойствам, характерным чертам – они запоминаются первыми. Другие – долго остаются в тени, их имена не сразу приходят на память, но день за днём начинаешь понимать такого человека, запоминать его. Витя Михалёв относился ко второй категории людей, внешне незаметных, но таящих в себе много драгоценного, прекрасного².

Очень смутно себе представляю его в первом семестре³, хотя я с ним часто сталкивался по кружковским⁴ делам, да и в бытность мою комсоргом. Скорее он запомнился как обитатель 229-ой комнаты 7-ого корпуса филиала дома студентов МГУ [на Ломоносовском проспекте]. За ребятами этой комнаты (Витя Михалёв, Саня Кичигин, Толя Трушин, Виталик Севастьянов) прочно удерживалось мнение как о толковых, серьёзных студентах. Почти все они окончили школу с медалями: Витя Михалёв с золотой, Виталик Севастьянов и Саня Кичигин – с серебряными. Мы завидовали атмосфере дружелюбия, братства, ца-

² Просмотрев порядка ста фотографий студенческой поры, я нашёл только несколько изображений Вити. Это тоже о чём-то говорит

³ Сентябрь – декабрь 1965 г.

⁴ Геоморфологический кружок Научного студенческого общества (НСО)

рившей в этой комнате. Не случайно, что в Новый год (1966-ой) мы собрались в этой комнате.

[5 июля 1969 г.⁵]

Тогда собралась очень тёплая компания. Были и геоморфологи, и девчонки с других кафедр. В комнату набилось человек 15. Сдвинули два стола, устали их выпивкой, закуской. Сделали салат в плафоне от лампы, раздобыли проигрыватель. В комнату постоянно входили и из неё выходили люди. Заехала Танька Чекалина с подружкой⁶, но уехала домой около 10 вечера. Новый год встречало нас, ребят-геоморфологов, человек 6-7, Нинка Сальникова, девчонки из её комнаты, Марина Миловидова (тогда студентка 3 курса). Как всегда время до Нового года прошло не очень весело, но с приближением стрелок к двенадцати оживление нарастало. Возник спор о том, когда Новый год считается наступившим: с первым ударом курантов или с последним.

Провожая Старый год, мы молча вспоминали каждый своё. Нам он казался удачным: позади школа – впереди Университет. Будущее – неясное и заманчивое – придвигалось к нам на ещё один год.

[6 июля 1969 г., ст. Ерофей Павлович]

Не прошло и пяти минут как нас пришли поздравить ребята из 225-ой комнаты – Костя Кивва и Боб Капитанов. На смену танцам пришли песни. Правда, тогда мы мало знали песен, исполняемых под гитару, и поэтому чаще звучали песни, передаваемые по радио, записанные на пластинки и песни из кинофильмов. Это были песни Бабаджаняна. «Моряк вразвалочку сошёл на берег» и подобные им. Но, уже тогда Витька знал «наши» песни – «Моряк, покрепче вяжи узлы» и вообще преобладала морская тематика.

Пели мы все вместе, наверное, в первый раз и хор наш с большой примесью женских голосов не слишком ласкал слух. К часам двум народ окончательно устал и стал расходиться по местам.

Так прошёл наш первый общежитский Новый год.

Кружок

С первых же дней занятий в Университете мы подверглись усиленной обработке со стороны членов геоморфологического кружка НСО. Основным проводником его идей в нашей среде был Костя Кивва, которому, кажется на роду написано быть миссионером геоморфологических идей. Никто другой не мог так увлекательно и в то же время так солидно, с достоинством излагать свои знания. Позже я убедился, что ему гораздо легче со студентами младших курсов, чем со своими сокурсниками. Объясняется это желанием и старанием Кости быть в центре внимания, вызывая при этом уважение к его идеям и речам.

⁵ В рукописи дневниковые записи помечались датами и указаниями местами их написания

⁶ Ирина Павловна Бакина

Его любимой присказкой в разговорах с нами была фраза: «Это, юноши, сложно, вам не понять!»

[7 июля 1969 г., Ерофей Павлович]

Вообще, в тот год первокурсники были предметом особой заботы кружка. Объяснялось это тем, что предыдущий курс как-то прошёл мимо кружка и вот, стараясь восполнить этот пробел, все силы были брошены на вовлечение первого курса.

В общежитии (7-ой корпус) действовала своего рода «пятая колонна» в лице Кости. Ему удалось найти опору среди обитателей 229-ой комнаты. Они и составили костяк кружковцев-первокурсников, и все трое из них, включая и Витьку, не отошли от кружка до сих пор.

22 октября 1966 г. Выход из корпуса 7. Слева направо: Толя Трушин, Миша Левинтов, Костя Кивва (на заднем плане), Саша Кичигин. Фото Вити Михалёва

Специально для нас устраивались выезды на стационары, где для нас представлялась возможность задавать любые вопросы. В ту осень с нами выезжали такие ассы как Андрей Лукашов, Сергей Ларьков, Игорь Дун, сдавший свой председательский портфель Кивве. На выездах царила атмосфера внимания друг к другу, и в особенности к нам.

*Осень 1965 г., Ст. Планерная. Возвращение с эрозионного стационара.
Витя Михалёв, Миша Левинтов, Саня Кичигин*

Работой нас не загружали, поскольку в научном отношении мы ещё были «нулями», и наша помощь ограничивалась приготовлением костра, обеда и места для него.

Погода в ту пору благоприятствовала нашим занятиям, и выезжали мы почти каждое воскресенье. Непременным развлечением каждый раз был футбол. В матче обычно участвовала команда первого курса и команда «Все остальные». Играли с азартом и буквально все. Даже Витька, относивший футбол к разряду несерьёзных развлечений, не оставался в стороне и занимал место в защите.

[10 июля 1969 г.]

Даже дорога туда и обратно протекала как-то интересно, насыщенно. Ребята вспоминали экспедиционные приключения, рассказывали разные случаи, пели песни.

Очередной выезд кружка. Осень 1966 года. Ваня Воскресенский (стоит слева), Миша Левинтов (нагнулся за бутербродом), Витя Волков (спиной по центру), Нина Сальникова (стоит в центре), Толя Трушин (полулежит в очках)

Запомнилось заседание кружка, где нас рассматривала и изучала группа «стариков». Происходило это всё в аудитории 19-20, где столы были сдвинуты и в правом дальнем от входа углу образовалось значительное пространство, которое мы, «перваки», и заняли. Назывались наши имена, и мы вставали по очереди для всеобщего обозрения.

*22 октября 1966 года. Поход в районе станции Фирсановка. Слева направо: Валя Попович, Миша Левинтов, Саня Кичигин, Серёжа Богатырёв, Толя Трушин.
Фото Вити Михалёва*

Первое для нас заседание вне стен Университета, то есть вечер кружка был на квартире у Натальи Турко на какой-то Фрунзенской улице (то ли Второй, то ли Третьей) в начале декабря. Собралось нас тогда человек 20-25. Перваков не много – 3-4 человека. В одной из комнат были расстелены на полу стенды зимних экспедиций (Карпаты и Южный Урал) и в полутемноте магнитофон исполнял популярные мелодии. Когда, наконец, собрался весь народ, и были рассмотрены все стенды, в соседней комнате закончилось приготовление стола.

[15 июля 1969 г. Амазар, 1-ый лагерь]

Состоялись проводы Игоря Дуна с поста председателя кружка и передачи всей полноты власти Косте Кивве. Тут же был брошен клич: «Даешь Урал!» Посыпались рассказы один увлекательнее другого о зимних экспедициях. Затем пошли песни, Мы, перваки, чувствовали себя несколько стеснённо, поскольку не знали большинства песен, а главное, Гимна Геофака. Тогда у нас был «песенный голод» и запоминались они легко, правда, не все. С тех пор в памяти сохранились такие песни, как «Сегодня⁷ ливень проливной». «Деревянные города», «Люди идут по свету».

⁷ У Визбора «Грохочет ливень проливной» - но автор этих строк славится своим умением переворачивать слова песен. Поэтому здесь, следуя логике сохранения всех ляпов 1969 года, оставлено «Сегодня»

Вообще у каждой песни есть своё лицо: когда её слышишь, то вспоминается что-то определённое. Например, «Сегодня ливень проливной» напоминает мне всегда об этом первом кружковском вечере.

Народ стал расходиться около десяти, и долго после этого в ушах звучали песни, перед глазами стояли лица кружковцев в полутьме, и хотелось поскорей влиться в эту дружную семью.

[16 июля 1969 г., 1-ый Амазарский лагерь]

Сессия

Ещё до поступления в ВУЗ мы слышали про то, что на сессиях «срезаются», из-за них «вылетают» и бывают случаи, что их не сдают. Это послужило основанием для серьёзного отношения и к экзаменам, и к занятиям в течение семестра. В результате этого первая наша сессия прошла вполне успешно, и печальные прогнозы не сбылись. Человек пять, а среди них и Витька, сдали все экзамены на пятёрки. К отрицательным итогам первой сессии можно отнести то, что наше мнение о суровости сессии было сильно подорвано, что повлекло в дальнейшем к понижению нашего старания и к переходу от серьёзных ежедневных занятий к халтурке в период сессии.

[18 июля 1969 г., 1-ый амазарский лагерь]

Перед первой сессией. Аудитория 18-07. Стоят слева направо: Витя Михалёв, Юра Скрябин, Миша Левинтов. Присел на переднем плане Слава Гуляев

Халтурка эта сводилась к тому, что из 3-5 дней, отведённых для подготовки к экзамену, 2-4 дня уходило на посещение кинотеатров, на бесконечные разговоры и на просмотр журналов в читалке.

В зимнюю же сессию (8 января) мы отметили день рождения Вити Михалева и Виталика Севастьянова. На столе появились всевозможные «домашние» закуски, присланные ребятам специально к этому дню. У Виталика – солёные грибы, приводившие в восторг Витьку, а у него – крымские яблоки, исчезнувшие с необыкновенной быстротой.

В силу законов сессии (не пей между экзаменами, а пей после них) мы собрались не 8-ого, а 10 января, после сдачи общей геологии. Компания была почти та же, что и на Новый год, да и программа вечера существенно не изменилась.

[21 июля 1969 г., 1-ый амазарский лагерь, высадка на Луну]

Съемка подлёдного рельефа

Второй семестр пролетел явно быстрее первого, и мы все жили в ожидании лета, практики в Хибинах и в Крыму.

Кружок, как всегда бывает весной, оказался в прорыве. На нас нахлынуло написание отчёта по зимней экспедиции, очередная работа на кружковских стационарах, конференция Геофака.

До сих пор вспоминаю подлёдную съёмку на Пироговском водохранилище в конце марта – в начале апреля 1966 г. Нас тогда было четверо: Костя Кивва, Нинка Сальникова, Витя и я.

Мы с Витей ползали по льду, отыскивая лунки, прорубленные рыбаками. Найдя лунку, мы ставили на ней рейку и измеряли глубину водохранилища. Измерение глубины осуществлялось самым примитивным способом. Я взял дома бельевую верёвку, которую мы разметили через полметра. Костя гордо назвал это сооружение «Линь-лотом». Так вот, эта верёвка, когда её вытаскивали из воды, покрывалась ледяной корочкой и становилась до неузнаваемости жёсткой. Пальцы у нас напоминали гусиную кожу и были цвета варёных раков.

Сделали мы что-то около 50 точек со льда и штук 20 с бенча и клифа. Ещё одной особенностью этой съёмки было состояние наших ног: они постоянно были в воде. Мне-то было ничего: я был в сапогах, которые, правда, протекали, а Витька был в туристических ботинках в весьма поношенном состоянии. Их даже вроде бы дал ему Костя.

Кончили съёмку. Устали так, что даже не разводили костёр и сразу пошли на автобус.

[5 августа 1969 г., Амазар]

Потихоньку моросил дождь, ноги еле передвигались по глубокому мокрому снегу, но чувствовалась удовлетворённость от проделанной работы и гордость за то, что нам всё-таки удалось сделать намеченное.

Клиф берегового стационара на Пироговском водохранилище

В понедельник Нинка уже посчитала координаты и ко вторнику или среде Витька составил план, который и был представлен на заседании кружка. Получилось, что подводный склон унаследовал многие формы рельефа и имел фестончатую в плане форму.

Лыжный поход

Тогда же в марте нам удалось собраться почти всей группой и отправиться в одно из воскресений, кажется, 20-ого, с лыжами за город. Набралось нас 12 человек. Лыжи достали кто где. Общежитские – на базе, москвичи – половина на базе, половина на своих. Доехали до Подрезково, и там двинулись к Сходне. На

Утро 20 марта 1966 г. На перроне Ленинградского вокзала. Спinoй к камере (слева направо): Виталик Севастьянов, Володя Моисеенко, Нина Сальникова, Нина Евланова. Лицом: Витя Волков и Витя Михалёв

Перед спуском в долину Сходни. Чай на привале

первом же спуске у Таньки Чекалиной сломались обе лыжи, и Витя Волков поджентельменски отдал ей свою, и сам катался на одной. Получалось очень смешно. Перебрались через Сходню, затем вышли на её правый борт и равниной пошли на юго-восток. Нашли ложок и в его верховьях разожгли костёр. Пока кипятили чай и готовили еду наиболее смелые и среди них Витька в ложке демонстрировали спуск. Редко кто до конца доезжал стоя на ногах.

[6 августа 1969 г., 1-ый амазарский лагерь]

Накатавшись так досыта, стали чаевать. Как всегда кружек было мало, но еды хватало. Нахлебавшись горячего, народ совсем разошёлся. Организовалась стихийно игра в «лошадей» Витька выступал с Виталиком Севастьяновым и дошёл до финала парных встреч, где его противниками были Валя Попович (наездник) и я («лошадь»). Не помню, чем кончился финал, но удовольствие мы получили огромное и насмеялись вволю.

Сборы в обратный путь. Финал «лошадиного» турнира

В четвёртом часу собрались в обратную дорогу. Она прошла бы незаметно, если бы не спуск в долину Сходни. Он проходил по довольно пересечённому и крутому склону и к тому же покрытому лесом. Почти все ребята и Танька Чекалина сходу съехали. Наверху остались Нинки⁸, Владик⁹, я и Витька. Дольше всех пришлось уговаривать Владика, хотя он, как и Витька, стоял на лыжах чуть ли не в первый раз. Но, вот спуск позади и мы, как цыгане, шумною толпою движемся к станции.

Эта лыжная вылазка вспоминается нами с сожалением, что она была всего одна. И как-то сразу после этой поездки отношения между нами стали крепче и теплее.

[8 августа 1969 г., 1-ый амазарский лагерь]

⁸ Евланова и Сальникова

⁹ Фроль